

Фридрих
ХАЙЕК

Дорога
к рабству

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Фридрих фон Хайек

Дорога к рабству

«Издательство АСТ»

1944

УДК 32
ББК 66.0

фон Хайек Ф. А.

Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек — «Издательство АСТ»,
1944 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-103716-1

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) – один из крупнейших философов и экономистов XX века, лауреат Нобелевской премии по экономике. «Дорога к рабству» – ключевое произведение Фридриха Августа фон Хайека, в котором великий ученый не только убедительно и справедливо критикует социалистическую идеологию и экономику, но и доказывает неотвратимость превращения социалистических правительств в тоталитарные диктатуры. Причины варварства и насилия тоталитарных режимов же, по Хайеку, следует искать в осуществлении государственного вмешательства в рыночную экономику, в перспективе ведущем к угнетению и подавлению принципов правового государства и личного права. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-17-103716-1

© фон Хайек Ф. А., 1944
© Издательство АСТ, 1944

Содержание

Предисловие к репринтному изданию 1976 года	6
Предисловие к американскому карманному изданию 1956 года	8
Предисловие к изданию 1944 года	17
Дорога к рабству	18
Введение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фридрих Август фон Хайек

Дорога к рабству

© Friedrich August von Hayek, 1944

© Перевод. М. Гнедовский, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Предисловие к репринтному изданию 1976 года

С этой книги, написанной на досуге в 1940–1943 годах, когда я по большей части занимался проблемами чистой экономической теории, неожиданно для меня самого началась моя более чем тридцатилетняя работа в новой области. Первая попытка найти новое направление была вызвана моим раздражением по поводу абсолютно неверной интерпретации нацистского движения в британских «прогрессивных» кругах. Это раздражение принудило меня написать записку тогдашнему директору Лондонской школы экономики сэру Уильяму Бевериджу, а затем статью для *Contemporary Review* за 1938 год, которую я по просьбе профессора Гарри Д. Гидеонса дополнил для публикации в его *Public Policy Pamphlets* и которую с большой неохотой (обнаружив, что все мои более компетентные британские коллеги заняты ходом военных действий) я наконец превратил в этот трактат. Несмотря на совершенно неожиданный успех «Дороги к рабству» (а не планировавшееся сначала американское издание имело еще больший успех, чем британское), я долго не был ею доволен. Хотя в самом начале книги честно сказано, что она носит политический характер, мои коллеги по общественным наукам сумели внушить мне ощущение, что я занимаюсь не тем, чем следует, и меня самого смущало, достаточно ли у меня компетенции, чтобы выходить за границы экономики в техническом смысле слова. Не буду здесь говорить ни о том, какую ярость вызвала моя книга в определенных кругах, ни о весьма любопытной разнице между тем, как ее приняли в Великобритании и Соединенных Штатах, – я писал об этом пару десятилетий назад в «Предисловии к первому американскому карманному изданию». Только для того, чтобы дать представление о распространенной реакции, упомяну случай, когда один хорошо известный философ, чье имя останется неназванным, написал другому философу письмо, в котором упрекал его за похвалы этой скандальной книге, которую он сам, «конечно же, не читал!». Хотя я приложил немало усилий, чтобы оставаться в рамках собственно экономики, я не мог избавиться от мысли, что вопросы, которые я столь неосмотрительно поднял, сложнее и важнее, чем вопросы экономической теории, и сказанное в первоначальном варианте моей работы нуждается в прояснении и доработке. Когда я писал эту книгу, я далеко не в достаточной мере освободился от предрассудков и предубеждений, правящих общественным мнением, и в еще меньшей степени умел избегать обыкновенного смешения терминов и понятий – того, к чему я впоследствии стал относиться очень внимательно. Предпринятое мной обсуждение последствий социальной политики, разумеется, не может быть полным без адекватного рассмотрения требований и возможностей правильно организованного рыночного порядка. Именно последней проблеме посвящены мои дальнейшие штудии в этой области. Первым результатом моих усилий объяснить порядок свободы стало большое исследование «Основной закон свободы» (*Constitution of Liberty*, 1960), в котором я попытался существенно переформулировать и более последовательно выразить классические доктрины либерализма XIX столетия. Понимание того, что такая переформулировка оставляет без ответа целый ряд важных вопросов, побудила меня дать на них собственные ответы в трехтомном труде «Право, законодательство и свобода» (*Law, Legislation and Liberty*), первый том которого увидел свет в 1973 году.

Как мне представляется, за последние двадцать лет мне удалось немало узнать о проблемах, затронутых в этой книге, хотя за это время я ее, кажется, даже не перечитывал. Перечитав ее сейчас, чтобы написать это предисловие, я впервые ощутил, что я не только не стесняюсь ее, но, напротив, горд ею – не в последнюю очередь за открытия, позволившие мне посвятить ее «социалистам всех партий». Действительно, хотя за это время я прочел немало того, о чем не знал, когда писал ее, теперь я часто удивляюсь, как многое из понятого еще тогда, в самом начале пути, подтвердилось дальнейшими исследованиями. И хотя более поздние мои работы окажутся, смею надеяться, более полезными профессионалам, я готов без колебаний рекомен-

довать эту старую книгу широкому читателю, который хочет иметь простое, не перегруженное техническими деталями введение в проблему, которая, по моему убеждению, до сих пор остается одной из самых насущных и до сих пор ожидает своего решения.

Читатель, вероятно, спросит, означает ли сказанное, что я по-прежнему готов отстаивать все основные выводы этой книги, и ответ на это будет в целом положительный. Наиболее существенная оговорка, которую следует сделать, такова: за истекшее время изменилась терминология, и поэтому многое из того, что здесь сказано, может быть понято неверно. В то время, когда я писал «Дорогу к рабству», социализм однозначно понимался как национализация средств производства и централизованное экономическое планирование, которое благодаря национализации становится возможным и необходимым. В этом смысле нынешняя Швеция, например, организована гораздо менее социалистически, чем Великобритания или Австрия, хотя принято считать, что Швеция – страна гораздо более социалистическая. Это произошло потому, что под социализмом стали понимать прежде всего широкое перераспределение доходов с помощью налогообложения и институтов «государства всеобщего благосостояния». В условиях такой разновидности социализма явления, обсуждаемые в этой книге, протекают медленнее, не столь прямолинейно и не выражаются в полной мере. Я считаю, что в конечном итоге это приведет к тем же самым результатам, хотя сами процессы будут не совсем такими, как описано в моей книге.

Мне часто приписывают вывод, что любое движение к социализму с необходимостью ведет к тоталитаризму. Хотя такая опасность существует, идея книги не в этом. Ее главная мысль состоит в том, что если мы не пересмотрим принципы нашей политики, мы столкнемся с самыми неприятными последствиями, которые вовсе не были целью для большинства сторонников этой политики.

В чем, как мне сегодня представляется, я был неправ, так это в недооценке опыта коммунизма в России. Наверное, этот недостаток можно было бы простить, учитывая, что в те годы, когда я это писал, Россия была нашим союзником в войне, и я еще не совсем избавился от обычных для того времени интервенционистских предубеждений, а потому позволил себе сделать немало уступок – на мой сегодняшний взгляд, неоправданных. И я, конечно, не вполне осознавал, насколько плохо обстоят дела во многих отношениях. Я, например, считал риторическим вопрос, который задавал на с. 98: если «Гитлер получил неограниченную власть строго конституционным путем <...> решится ли кто-нибудь на этом основании утверждать, что в Германии до сих пор существует правозаконность?» Однако позже обнаружилось, что именно это утверждают профессора Ганс Кельсен и Гарольд Дж. Ласки, а вслед за этими влиятельными авторами – другие социалистические юристы и политологи. Как бы то ни было, дальнейшее исследование современных интеллектуальных течений и современных институций лишь усилило мои опасения и тревоги. А влияние социалистических идей вкупе с наивной верой в благие намерения тех, в чьих руках сосредоточивается тоталитарная власть, значительно возросла с тех пор, как я написал «Дорогу к рабству».

Долгое время мне было досадно, что работа, которую я считал памфлетом на злобу дня, пользуется более широкой известностью, чем мои собственно научные труды. Однако, глядя на написанное через призму дальнейших штудий, посвященных проблемам, поднятым более тридцати лет назад, я больше не чувствую досады. Хотя в этой книге я многого не смог убедительно продемонстрировать, она представляла собой искреннюю попытку найти истину, и, как я думаю, мне удалось сделать какие-то открытия, которые пригодятся даже тем, кто со мной не согласен и помогут им избежать серьезных опасностей.

Предисловие к американскому карманному изданию 1956 года

Хотя эта книга могла бы во многих отношениях выглядеть иначе, если бы я изначально держал в уме американскую аудиторию, теперь, когда она заняла в Соединенных Штатах вполне определенное положение (что, впрочем, трудно было предсказать), переписывать что-либо вряд ли имеет смысл.

Эта книга была написана в Англии в годы войны и была рассчитана почти исключительно на английских читателей. В том, что я посвятил ее «социалистам всех партий», не было никакой насмешки. Моя книга появилась в результате многочисленных дискуссий предшествующего десятилетия, которые я вел с друзьями и коллегами, чьи политические взгляды клонились влево; продолжением тех споров стала «Дорога к рабству».

К тому времени, когда в Германии к власти пришел Гитлер, я уже несколько лет преподавал в Лондонском университете, но продолжал внимательно следить за континентальными событиями вплоть до начала войны. Рассмотрение различных тоталитарных движений, возникновение и развитие которых привело меня к мысли о том, что английское общественное мнение, и в частности мнение моих друзей, совершенно неадекватно природе этих движений. Еще до войны это заставило меня высказать в небольшой статье идеи, которые потом стали центральными для настоящей книги. Но после того, как началась война, я осознал, что широкое непонимание политической системы как наших врагов, так и нашего нового союзника – России, – представляет серьезную опасность, борьба с которой требует более систематических усилий. Кроме того, было уже достаточно очевидно, что сама Англия была готова начать после войны эксперименты с такого рода политикой, которая, по моему убеждению, привела к уничтожению свободы в других странах.

Вот почему эта книга постепенно стала принимать форму предостережения, обращенного к британской социалистической интеллигенции. С неизбежными для военного времени задержками книга вышла из печати весной 1944 года. Кстати сказать, эта дата также объясняет, почему я, для того чтобы быть услышанным, предпочел воздержаться от комментариев по поводу нашего военного союзника и использовал в качестве примеров события, происходившие в Германии.

По-видимому, книга появилась в благоприятный момент, и мне остается только с удовлетворением отметить успех, который она имела в Англии, – этот успех был иным по качеству, но не меньшим по масштабу, чем в Соединенных Штатах. В общем и целом книга была воспринята адекватно, и высказанные в ней тезисы были всерьез приняты к сведению теми, кому они были адресованы. На меня произвел глубокое впечатление тот факт, что за исключением нескольких ведущих политиков-лейбористов (которые – как бы в доказательство правоты моих замечаний о националистических тенденциях в социализме – выступили против книги на том основании, что она написана иностранцем) люди, чьи убеждения вступали в резкое противоречие с моими выводами, отнеслись к ним вдумчиво и внимательно¹. То же самое можно сказать и о других европейских странах, где была напечатана «Дорога к рабству»; непредвиден-

¹ Вероятно, наиболее показательный пример британской критики «Дороги к рабству» с левых позиций – это корректное и честное исследование г-жи Барбары Вуттон «Свобода при плановом хозяйстве» (*Wootton B. Freedom under Planning* London George Allen & Unwin, 1946). В Соединенных Штатах эту работу цитируют как пример успешного опровержения моих идей, но, как мне представляется, у многих читателей осталось впечатление, что (воспользуемся словами одного американского рецензента) «в основном [книга Вуттон] подтверждает тезисы Хайека» (*Barnard C.I. // Southern Economic Journal*, 1946. January).

ную радость доставил мне необычайно теплый прием, оказанный моей книге в постнацистской Германии, когда туда, наконец, попали экземпляры перевода, опубликованного в Швейцарии.

Совершенно иначе была воспринята книга в Соединенных Штатах, где она была напечатана через несколько месяцев после британской публикации. Когда я писал эту книгу, я мало думал о том, какое впечатление она произведет на американских читателей. В последний раз я был в Америке за двадцать лет до того, еще аспирантом, и с тех пор не очень-то следил за развитием американской мысли. Я не имел понятия, насколько прямое отношение мои тезисы имеют к американской ситуации и совсем не удивился, когда оказалось, что три первых издательства, которым была предложена книга, ее отвергли². Никто, разумеется, даже не предполагал, что после того, как книга будет выпущена ее нынешними издателями, она начнет расходиться со скоростью, практически беспрецедентной для такого рода литературы, не предназначенной для массового потребления³. В еще большей степени я был поражен бурной реакцией обоих политических лагерей – чрезмерными похвалами, доносившимися из одного стана, и жгучей ненавистью, веявшей от представителей другого.

В отличие от Англии в Америке читатели, которым была в первую очередь адресована книга, отвергли ее, усмотрев в ней злобные и коварные нападки на свои высшие идеалы; на рассмотрение аргументации они, судя по всему, даже не стали тратить времени. И язык, которым пользовались самые недоброжелательные критики, и эмоции, которые они выражали, – это было нечто особенное⁴. Нисколько не меньше поразили меня восторги тех, от кого меньше всего ожидаешь услышать, что они прочли такого рода книжку, и многих таких, которые ее навряд ли читали. Хочу добавить, что иногда то, как это все происходило, в очередной раз доказывало справедливость слов лорда Актона о том, что «во все времена истинные друзья свободы были редки, и своими триумфами она была обязана меньшинству, которое одерживало победу, объединяясь с другими, чьи цели часто отличались от их собственных; и это объединение, всегда опасное, подчас приводило к катастрофе».

Маловероятно, что столь несхожий прием по разные стороны Атлантики был оказан книге лишь по причине несходства национальных характеров. Со временем я все больше проникаюсь убеждением, что объяснение следует искать в отличие американской интеллектуальной ситуации от европейской. В Англии и в Европе в целом затронутые мной проблемы давно перестали быть пустой абстракцией. К тому времени идеалы, которые я подверг исследованию, уже спустились на грешную землю, и даже самые рьяные их сторонники увидели воочию и конкретные трудности, возникающие на пути осуществления этих идеалов, и непредвиденные последствия. Таким образом, почти все мои европейские читатели были на собственном опыте знакомы с явлениями, о которых я писал, а я лишь систематически изложил то, что они и без того ощущали интуитивно. Разочарование в левых идеалах возникало подспудно, а их критическое рассмотрение лишь проявляло и проясняло уже существовавшее разочарование.

Напротив, в Соединенных Штатах эти идеалы были еще внове и действовали заразительнее. Прошло всего десять или пятнадцать лет (а не сорок – пятьдесят, как в Англии), с тех пор

² Я не знал тогда, что, как мне объяснил потом советник одной компании, это произошло не из-за сомнений в коммерческом успехе издания, а вследствие политического предубеждения, настолько сильного, что книга казалась «недостойной для публикации в приличном издательстве» (см. по этому поводу высказывание Уильяма Миллера, процитированное в статье: *Couch W.T. The Sainted Book Burners // The Freeman. 1955. P. 423*; см. также книгу: *Miller W. The Book Industry. A Report of the Public Library Inquiry of the Social Science Research Council. N.Y.: Columbia University Press, 1949. P. 12*).

³ Этому немало поспособствовала публикация резюме моей книги в *Reader's Digest*, и я хотел бы публично выразить свою признательность редакторам этого журнала за мастерство, с которым это резюме было составлено без моего участия. Сокращение текста, содержащего сложную систему аргументации, до размера малой доли исходного текста неминуемо приводит к некоторому упрощению; но то, что такое сокращение было проведено без ущерба для содержания и что сам я вряд ли сумел справиться с этим лучше, – большое достижение.

⁴ Рекомендую любопытствующим читателям образчик оскорблений и поношений, не имеющий, вероятно, аналогов в практике современной академической дискуссии, – книгу профессора Германа Файнера «Дорога к реакции» (*Finer H. Road to Reaction. Boston: Little Brown & Co., 1945*).

как широкие круги интеллигенции подхватили эту инфекцию. И, несмотря на эксперимент Рузвельта – Новый курс, – их энтузиазм по поводу рационально организованного общества еще не был запятнан практическим опытом. То, что большинство европейцев воспринимали как «старую песню», для американских интеллектуалов являло собой заманчивую мечту о лучшем мире, которую они взрастили и взлелеяли за годы Великой депрессии.

Мнение в Соединенных Штатах меняется быстро, и сегодня уже непросто вспомнить, что относительно незадолго до появления «Дороги к рабству» люди, которым вскоре предстояло сыграть значительную роль в публичной жизни, всерьез защищали самую крайнюю форму экономического планирования и брали за образец Россию. Легко было бы дать здесь точные ссылки, но сейчас было несправедливо задевать ту или иную конкретную личность. Достаточно упомянуть, что в 1934 году новообразованный Национальный совет по планированию уделил немало внимания примерам ведения планового хозяйства в четырех странах – Германии, Италии, России и Японии. Конечно, через десять лет мы стали называть те же самые страны «тоталитарными», провели против трех из них тяжелую многолетнюю войну, а с четвертой вскоре начали другую войну – «холодную». Однако мое утверждение, что политическое развитие этих стран как-то связано с их экономической политикой, вызывало тогда негодующие возражения американских сторонников экономического планирования. Вдруг стало модным отрицать, что идея планирования пришла из России, и отстаивать, подобно одному моему именитому критику, «тот очевидный факт, что Италия, Россия, Япония и Германия пришли к тоталитаризму совершенно разными путями».

В момент выхода «Дороги к рабству» интеллектуальная атмосфера в Соединенных Штатах была такова, что книга была просто обречена либо сильно шокировать, либо приводить в полное восхищение членов двух непримиримых группировок. Как следствие этого, книга, несмотря на свой видимый успех, не произвела того воздействия, на которое я мог рассчитывать и которое она произвела в других странах. Действительно, сегодня ее главные выводы широко признаны. Если двадцать лет назад многим казалось чуть ли не святотатством утверждение, что фашизм и коммунизм суть две разновидности тоталитаризма, создаваемого централизованным контролем всей экономической деятельности, то сегодня это почти общее место. Более того, сегодня широко признается, что демократический социализм – это крайне ненадежное и нестабильное образование, раздираемое внутренними противоречиями и порождающее результаты, не приемлемые для многих его сторонников.

Это отрезвление было в гораздо большей степени вызвано не моей книгой, а уроками реальных событий и более популярными обсуждениями тех же проблем⁵. Кроме того, главный тезис книги не был оригинален уже в тот момент, когда она была опубликована. Хотя подобные предостережения, высказывавшиеся ранее, сейчас в основном забыты, на опасности, порождаемые политикой, ставшей объектом моей критики, указывалось неоднократно. Если моя книга чем-то ценна, так это не очередным повторением того же тезиса, а скрупулезным и детальным анализом причин, по которым экономическое планирование приводит к непредвиденным результатам, и происходящих при этом процессов.

Вот почему мне кажется, что сейчас настало более благоприятное время для того, чтобы Америка более серьезно отнеслась к моей аргументации, чем это было сделано, когда моя книга впервые увидела свет. Я полагаю, что то, что в ней есть важного, еще может сослужить хорошую службу, хотя я понимаю, что «горячий» социализм, против которого она направлена (организованное движение к рассчитанному обустройству экономической жизни под эгидой государства – главного собственника средств производства) в западном мире уже почти умер. Век социализма, понимаемого в указанном смысле, видимо, кончился где-то около 1948 года. От

⁵ Самым действенным был, без сомнения, роман Джорджа Оруэлла «1984». Ранее автор выступил благосклонным рецензентом моей книги.

многих связанных с ним иллюзий отказались даже его лидеры, и в Соединенных Штатах, как и во всем мире, само это слово во многом потеряло свою привлекательность. Несомненно, будут предприниматься попытки спасти это слово для движений менее догматических, менее доктринерских и систематических. Но аргументы, обращенные исключительно против таких прямолинейных концепций социальных реформ, сегодня могут показаться борьбой с ветряными мельницами.

Однако успокаиваться рано: хотя «горячий» социализм, по всей видимости, ушел в прошлое, некоторые его понятия слишком глубоко проникли в саму структуру современной мысли. Если в западном мире осталось мало людей, готовых переделать общество снизу доверху по какому-то идеальному плану, многие до сих пор верят в меры, которые хотя и не призваны полностью перестроить экономику, но могут в своей совокупности ненароком привести к этому результату. И в еще большей степени, чем в те годы, когда я писал эту книгу, поддержка политики, которая в дальней перспективе оказывается несовместимой с делом сохранения свободного общества, перестала быть всего лишь партийным вопросом. Следует еще хорошенько разобраться с этой мешаниной из взаимопротиворечивых и во многом непоследовательных идеалов, которые под маркой «государства всеобщего благосостояния» в основном заменили социализм в качестве цели, которую ставят перед собой реформаторы, и понять, не будут ли результаты «государства всеобщего благосостояния» очень похожи на те, к которым ведет обычный социализм. Я не хочу сказать, что никакая цель такого государства практически не осуществима или что ни одна из них не заслуживает похвал. Однако существует много разных способов достижения одной и той же цели, и сейчас видится опасность того, что нетерпеливое стремление к быстрым результатам может принудить нас выбрать инструменты, которые, может быть, и более эффективны при решении практических задач, но при этом, как я уже сказал, несовместимы с делом сохранения свободного общества. Возрастающая тенденция к использованию административного давления и дискриминации в тех случаях, когда незначительное изменение общих норм законности могло бы, хотя и медленнее, дать те же самые результаты, тенденция к использованию прямого государственного контроля и к созданию монополистических институтов в тех случаях, когда рациональное распределение финансовых средств могло бы организовать спонтанные усилия, все это – тяжелое наследство социалистического периода, которое еще долгое время будет продолжать оказывать влияние на политику.

Именно потому, что в ближайшие годы политическая идеология вряд ли будет выдвигать ясно определенные цели, но будет ориентироваться на постепенные перемены, исключительно важное значение приобретает глубокое понимание процессов, благодаря которым определенные меры могут разрушить фундамент рыночной экономики и постепенно свести на нет творческий потенциал свободной цивилизации. И только когда мы поймем, по какой причине и каким образом некоторые виды экономического контроля парализуют движущие силы свободного общества, а также какого рода меры особенно опасны в этом отношении, – только тогда сможем надеяться, что социальное экспериментаторство не будет создавать ситуаций, в которых никто из нас не хотел бы оказаться.

Как раз такую задачу и ставит перед собой эта книга. Я надеюсь, что хотя бы в более спокойной атмосфере сегодняшнего дня она будет воспринята не как призыв к сопротивлению всякому улучшению и эксперименту, а как настоятельное предупреждение, что любые изменения в наших установлениях должны пройти определенную проверку (как это описано в центральных главах книги, посвященных правозаконности), прежде чем мы примем курс, сойти с которого окажется очень непросто.

Тот факт, что исходно книга была написана с расчетом только на британскую аудиторию, вряд ли делает ее малопонятной для американского читателя. Но в ее фразеологии есть один

момент, который я хотел бы прояснить сразу же, чтобы избежать каких-либо недоразумений в дальнейшем. В моей книге термин «либеральный» используется в своем первоначальном смысле, в традиции употребления, сложившейся в Англии в XIX веке и сохранившейся там и поныне. В Америке словом «либерализм» сегодня часто называют нечто диаметрально противоположное. Оно стало частью камуфляжа американских левых движений (чему немало способствует бестолковость многих людей, действительно верящих в свободу) и стало означать поддержку любой формы государственного контроля. Меня до сих пор поражает, почему те американцы, которые искренне верят в либеральные ценности, позволили левым присвоить этот практически незаменимый термин, но даже помогли им сделать это, начав использовать его как бранное слово. Об этом особенно стоит пожалеть, если мы вспомним, что многие настоящие либералы начали из-за этого называть себя консерваторами.

Конечно, в борьбе со сторонниками всемогущего государства либералы должны иногда объединяться с консерваторами, а в некоторых ситуациях, как, например, в современной Великобритании, у них просто нет других способов эффективно добиваться осуществления своих идеалов. Тем не менее подлинный либерализм отличается от консерватизма, и смешивать эти два направления не стоит. Хотя консерватизм – это необходимый элемент любого стабильного общества, он не является социальной программой; по своим патерналистским и националистическим тенденциям, по своему преклонению перед сильной властью консерватизм гораздо ближе к социализму, чем к подлинному либерализму. Консерваторы с их традиционализмом, антиинтеллектуализмом, а подчас и мистицизмом никогда, кроме разве редких периодов разочарования, не обращаются к молодежи и ко всем тем, кто считает, что для того, чтобы мир стал лучше, нужны какие-то перемены. Консервативное движение по самой своей природе вынуждено отстаивать утвержденные привилегии и опираться на государственную власть, их защищающую. Однако сущность либеральной позиции заключается в отрицании любой привилегии, если привилегия понимается в своем собственном и в своем первоначальном смысле – как право, которое государство защищает и предоставляет одним, не предоставляя его на тех же условиях другим.

Наверное, следует сказать несколько слов в оправдание того, что по истечении двенадцати лет моя книга выходит без каких-либо изменений. Я несколько раз пытался ее отредактировать, поскольку есть целый ряд тезисов, которые я хотел бы разъяснить подробнее, или сформулировать более осторожно, или усилить при помощи иллюстрирующих примеров и доказательств. Но все попытки редакции лишь показали, что мне больше не удастся написать столь же короткую книгу, покрывающую столь же масштабное проблемное поле; а мне кажется, что каких бы достоинств не было у этой книги, главное ее достоинство – ее относительная краткость. Поэтому я вынужден был прийти к заключению, что для того, чтобы развить тот или иной аспект аргументации, я должен предпринимать отдельные исследования. И я начал делать это в разных статьях, где более подробно обсуждаются некоторые философские и экономические проблемы, лишь вскользь затронутые в настоящей книге⁶. Вопросу о происхождении критикуемых здесь идей и их взаимосвязи с некоторыми другими могущественными и влиятельными интеллектуальными движениями эпохи специально посвящена моя книга «Контрреволюция науки»⁷. И я давно уже хочу дополнить слишком короткую центральную главу «Дороги к рабству» специальным исследованием отношения между равенством и правосудием⁸.

⁶ См.: *Individualism and Economic Order*. Chicago, 1948 [рус. пер. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000].

⁷ *The Counter Revolution of Science*. Glencoe, Ill., 1952 [рус. пер. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблениях разумом. М., 2003].

⁸ Развернутый набросок такого исследования был опубликован при поддержке Национального банка Египта в форме четырех лекций, озаглавленных «Политический идеал правозаконности» (*The Political Rule of Law*. Cairo, 1955).

Есть, однако, еще одна тема, относительно которой читатель вправе был бы потребовать разъяснений, но которую также не смогу развить адекватно, не написав новую книгу. Меньше чем через год после публикации «Дороги к рабству» к власти в Великобритании пришло социалистическое правительство, продержавшееся шесть лет. И я попытаюсь хотя бы кратко ответить на вопрос о том, в какой мере этот опыт подтвердил или опроверг мои опасения. Этот опыт прежде всего усилил мое беспокойство, а кроме того, продемонстрировал тем, кого не убеждают никакие абстрактные аргументы, реальность затруднений, о которых я писал. Действительно, вскоре после того, как лейбористы пришли к власти, многие вопросы, отмеченные моими американскими критиками как не имеющие никакого отношения к реальности, встали на повестку дня в британских политических дискуссиях. Вскоре даже в официальных документах был поставлен вопрос об опасности тоталитаризма, вызванной политикой экономического планирования. Трудно найти более яркую иллюстрацию того, как внутренняя логика такой политики заставила социалистическое правительство невольно принять чуждые ему формы принуждения, чем следующий пассаж из «Экономического обзора за 1947 год» (*Economic Survey for 1947*), представленного премьер-министром парламенту в феврале указанного года, и то, что за этим последовало:

Есть существенная разница между тоталитарным и демократическим планированием. При тоталитарном планировании все индивидуальные стремления и предпочтения подчинены требованиям государства. Для этой цели используются различные методы насилия над отдельной личностью, лишаящие ее свободы выбора. В демократической стране такие методы допустимы только в экстремальных условиях большой войны. Так, британский народ уполномочил свое военное правительство управлять трудовыми процессами. Но в обычное время народ демократической страны не откажется от свободы выбора в пользу правительства. Поэтому демократическое правительство должно вести экономическое планирование таким образом, чтобы в максимальной степени сохранить за отдельными гражданами свободу выбора.

Самое интересное в процитированной декларации о похвальных намерениях – то, что всего через полгода то же самое правительство сочло необходимым в мирное время вернуть в свод законов трудовую повинность. Значение этого вряд ли уменьшается от того, что в действительности сила так и не была применена, поскольку, если известно, что власти имеют право использовать административное принуждение, мало кто будет дожидаться осуществления этого права. Но довольно непросто понять, как правительство могло упорствовать в своих заблуждениях, утверждая в том же самом документе, что теперь «государство должно сказать, каково наилучшее использование ресурсов в национальных интересах» и «дать нации экономическое задание: оно должно сказать, что именно обладает наибольшей важностью и какими должны быть цели политики».

Конечно, шестилетнее социалистическое правление в Англии не произвело ничего подобного тоталитарному государству. Но те, кто заявляют, что этим фактом опровергается главный тезис «Дороги к рабству», не поняли одного из основных утверждений: самое важное изменение, которое происходит в ситуации широкого правительственного контроля, – это изменение психологическое; изменяется человеческий характер. Такое всегда происходит медленно; этот процесс занимает не пару-тройку лет, а, может быть, охватывает одно-два поколения. Важно то, что политические идеалы народа и его отношение к власти являются не только следствием, но и причиной формирования политических институтов, при которых он живет. Помимо прочего, это значит, что даже прочная традиция политических свобод не является

панацеей, поскольку опасность как раз в том и заключается, что новые учреждения и новая политика постепенно подрывают и разрушают свободный дух. Разумеется, последствия можно предотвратить, если этот дух сохраняется и народ не только отвергает партию, которая вела его все дальше по опасному пути, но также осознает природу опасности и решительно меняет курс. Пока нет достаточных оснований полагать, что в Англии это уже произошло.

Однако изменения, которые претерпел характер британского народа – не только при правительстве лейбористов, но и на протяжении гораздо более долгого периода, когда он пользовался благодеяниями патерналистского «государства всеобщего благосостояния», – вряд ли можно с чем-то спутать. Эти изменения непросто продемонстрировать, но их легко ощутить, когда живешь в этой стране. В качестве иллюстрации я могу привести несколько примечательных пассажей из социологического обзора проблемы того, как чрезмерное регулирование воздействует на молодежную ментальность. Речь здесь идет о ситуации, которая сложилась до прихода лейбористского правительства, то есть в то время, когда была впервые опубликована «Дорога к рабству»; имеются в виду последствия установлений военного времени, которые лейбористы сделали постоянными:

Прежде всего именно в городе область факультативного сходит на нет. В школе, на работе, в поездках туда и обратно, даже в самом процессе оборудования и снабжения домашнего хозяйства многие виды деятельности, доступные человеку, либо запрещены, либо, напротив, предписаны. Образованы специальные агентства, или гражданские консультации (Citizen's Advice Bureaus), цель которых – провести озадаченных граждан через лес правил и указать особо настойчивым на те редкие поляны, где частное лицо еще может сделать выбор... [Городской парень] поставлен в такие условия, что он не может пальцем шевельнуть, не вспомнив сначала о предписаниях. Распорядок обычного дня обычного городского юноши показывает, что он тратит огромное количество своего дневного времени, выполняя то, что предписано директивами, в составлении которых он не принимал никакого участия, целей которых он, как правило, не понимает и об уместности которых он не способен судить... Наблюдая за своими родителями, за своими старшими братьями и сестрами, он обнаруживает, что они так же связаны предписаниями, как и он. Он видит, что они настолько привыкли к этому состоянию дел, что очень редко планируют и осуществляют по собственному почину какие-либо новые социальные действия или начинания. Поэтому он не готовится к какому-то будущему, когда ему самому или кому-то другому пригодится способность брать на себя ответственность... [Молодежь] вынуждена сносить так много внешнего и, на ее взгляд, бессмысленного контроля, что начинает искать выход в настолько полном отсутствии дисциплины, насколько они только могут себе это позволить⁹.

Нужно ли считать слишком пессимистичным опасение, что поколение, выросшее в таких условиях, вряд ли сбросит привычные оковы? И разве это описание не подтверждает полностью предсказание Токвиля о новом виде рабства, когда,

после того как все граждане поочередно пройдут через крепкие объятия правителя и он вылепит из них то, что ему необходимо, он простирает свои могучие длани на общество в целом. Он покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой. Он не сокрушает волю

⁹ Barnes L.J. Youth Service in an English County: A Report Prepared for King George's Jubilee Trust. London, 1945.

людей, но размягчает ее, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; он не тиранит, но мешает, подавляет, нервнрует, гасит, оглушает и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство. Я всегда был уверен, что подобная форма рабства, тихая, размеренная и мирная, картину которой я только что изобразил, могла бы сочетаться, хоть это и трудно себе представить, с некоторыми внешними атрибутами свободы и что она вполне может установиться даже в тени народной свободы¹⁰.

Токвиль не сказал, однако, о том, как долго власть будет оставаться в руках благонамеренных деспотов, если любая бандитская группировка сможет без труда навсегда остаться у власти, презрев все традиционные приличия политической жизни.

Может быть, мне также имеет смысл напомнить читателям, что я никогда не обвинял социалистические партии в преднамеренном стремлении построить тоталитарный режим и даже не подозревал лидеров старых социалистических движений в таких наклонностях. Мысль, которую я излагал в своей книге и в правоте которой меня еще больше укрепил опыт Британии, заключается в том, что непредвиденные, но неизбежные последствия социалистического планирования создают состояние дел, при котором, если мы будем продолжать эту политику, тоталитарные силы непременно возьмут верх. Я прямо говорю, что «социализм можно осуществить на практике только с помощью методов, отвергаемых большинством социалистов», а затем добавляю, что пользоваться этими методами «старым социалистическим партиям не хватало безжалостности, необходимой для практического решения поставленных ими задач», и что «им мешали их демократические идеалы». Боюсь, после правления лейбористов возникло впечатление, что британские социалисты отказываются от этих демократических идеалов с еще большей легкостью, чем за четверть века до того делали их сотоварищи – немецкие социалисты. Действительно, немецкие социал-демократы в 1920-е годы при аналогичных и даже более тяжелых экономических условиях ни разу не подошли к тоталитарному планированию так же близко, как правительство британских лейбористов.

Поскольку я не могу подробно рассмотреть здесь последствия этой политики, я процитирую обобщающие суждения других наблюдателей, которых труднее заподозрить в предвзятости их мнений. Самая убийственная критика прозвучала, что характерно, из уст бывших членов лейбористской партии. Так, г-н Айвор Томас в своей книге, призванной, очевидно, объяснить, почему он покинул ряды партии, приходит к выводу, что «с точки зрения фундаментальных человеческих свобод коммунизм, социализм и национал-социализм мало чем разнятся друг от друга. Все они являются примерами коллективистского или тоталитарного государства... По своей сути настоящий социализм – то же самое, что коммунизм и мало чем отличается от фашизма»¹¹.

Причины серьезного роста административного произвола и последующего разрушения правозаконности – заботливо построенного основания британских свобод – обсуждаются в 6-й главе. Этот процесс начался, разумеется, задолго до прихода к власти последнего правительства лейбористов и обострился во время войны. Однако попытки экономического планирования, предпринятые лейбористами, довели процесс до той точки, когда уже нельзя сказать с уверенностью, по-прежнему ли господствует в Британии законность. «Новый деспотизм», о

¹⁰ Токвиль А. де. Демократия в Америке. Кн. II. Ч. IV. Гл. VI [М., 2000. С. 497; пер. Б.Н. Ворожцова]. Нужно прочесть всю главу, чтобы понять, насколько прозорливо Токвиль предсказал психологические последствия современного «государства всеобщего благосостояния». Между прочим, частым упоминанием «нового рабства» у Токвиля подсказано заглавие настоящей книги.

¹¹ Thomas I. The Socialist Tragedy. London: Latimer House Ltd., 1949. P. 241–242.

котором лорд главный судья предупреждал Британию четверть века тому назад, из опасности, по мнению журнала *The Economist*, превратился в установленный факт¹². Это деспотизм, осуществляемый добросовестной и честной бюрократией во имя того, что ей искренне представляется благом страны. Тем не менее это произвол власти, практически свободной от парламентского контроля, и механизм ее осуществления может быть эффективно использован для любой другой цели, помимо тех благонамеренных целей, для достижения которых он используется сейчас. Я не думаю, что выступавший недавно видный британский юрист сильно преувеличивал, анализируя эти тенденции, когда пришел к заключению, что «сегодня в Британии мы живем на грани диктатуры. Переход к ней будет простым, быстрым и может быть совершен на совершенно законных основаниях. В этом направлении было уже сделано немало шагов, чему способствует полнота власти, которой обладает сегодняшнее правительство, и отсутствие настоящего контроля, такого, как условия письменной конституции или существование эффективно действующей Палаты общин, так что количество шагов, которое осталось предпринять, сравнительно невелико»¹³.

Более детальный анализ экономической политики британских лейбористов и ее последствий читатель найдет в книге профессора Джона Джюикса «Испытание планированием»¹⁴. Это лучшее из известных мне обсуждений конкретных явлений, рассматриваемых в моей книге на теоретическом уровне. «Испытание планированием» является лучшим дополнением к «Дороге к рабству», которое только можно себе представить, и преподносит урок, значение которого выходит далеко за пределы Великобритании.

Сейчас представляется маловероятным, что если в Великобритании к власти придет еще одно лейбористское правительство, то оно возобновит эксперименты с широкомасштабной национализацией и планированием. Но в Британии, так же как в других странах, поражение систематического социализма дало тем, кто озабочен сохранением свободы, лишь временную передышку, в продолжение которой необходимо критически пересмотреть наши амбиции и отказаться от части социалистического наследия, представляющей опасность для свободного общества. Без такого пересмотра концепции нашего социального развития и его целей мы будем по-прежнему плыть по течению в том же направлении, в котором, только чуть быстрее, повел бы нас настоящий социализм.

¹² См. статью, опубликованную в номере от 19 июня 1954 года, где обсуждается доклад по поводу официального расследования, проведенного по запросу Министерства сельского хозяйства (Report on the Public Inquiry Ordered by the Minister of Agriculture into the Disposal of Land at Crichel Down. Cmd. 1976. London: H.M. Stationery Office, 1954) – этот документ заслуживает самого внимательного изучения всеми, кто интересуется психологией бюрократического планирования.

¹³ *Keeton G. W. The Passing of Parliament. London, 1952.*

¹⁴ *Jewkes J. Ordeal by Planning. London: Macmillan & Co., 1948.*

Предисловие к изданию 1944 года

Когда профессионал, занимающийся общественными науками, пишет политическую книгу, его долг – прямо об этом сказать. Это политическая книга, и я не хочу делать вид, что речь идет о чем-то другом, хотя мог бы обозначить ее жанр каким-нибудь более изысканным термином, скажем, социально-философское эссе. Впрочем, каким бы ни было название книги, все, что я в ней пишу, вытекает из моей приверженности определенным фундаментальным ценностям. И мне кажется, что я исполнил и другой свой не менее важный долг, полностью прояснив в самой книге, каковы же те ценности, на которые опираются все высказанные в ней суждения.

К этому остается добавить, что, хотя это и политическая книга, я абсолютно уверен, что изложенные в ней убеждения не являются выражением моих личных интересов. Я не вижу причин, по которым общество того типа, который я, очевидно, предпочитаю, давало бы мне какие-то привилегии по сравнению с большинством моих сограждан. В самом деле, как утверждают мои коллеги-социалисты, я как экономист занимал бы гораздо более заметное место в обществе, против которого я выступаю (если, конечно, сумел бы принять их взгляды). Я точно так же уверен, что мое несогласие с этими взглядами не является следствием воспитания, поскольку именно их я придерживался в юном возрасте и именно они заставили меня посвятить себя профессиональным занятиям экономикой. Для тех же, кто, как это теперь принято, готов в любом изложении политической позиции усматривать корыстные мотивы, позволю себе добавить, что у меня есть все причины, чтобы не писать и не публиковать эту книгу. Она, без сомнения, заденет многих, с кем я хотел бы сохранить дружеские отношения. Из-за нее мне пришлось отложить другую работу, которую я, по большому счету, считаю более важной и чувствую себя к ней лучше подготовленным. Наконец, она повредит восприятию результатов моей в собственном смысле исследовательской деятельности, к которой я чувствую подлинную склонность.

Если, несмотря на это, я все же счел публикацию этой книги своим долгом, то только в силу странной и чреватой непредсказуемыми последствиями ситуации (вряд ли заметной для широкой публики), сложившейся ныне в дискуссиях о будущей экономической политике. Дело в том, что большинство экономистов были в последнее время втянуты в военные разработки и сделались немы благодаря занимаемому ими официальному положению. В результате общественное мнение по этим вопросам формируют сегодня в основном дилетанты, любители ловить рыбку в мутной воде или сбывать по дешевке универсальное средство от всех болезней. В этих обстоятельствах тот, у кого еще есть время для литературной работы, вряд ли имеет право держать при себе опасения, которые, наблюдая современные тенденции, многие разделяют, но не могут высказать. В иных обстоятельствах я бы с радостью предоставил вести спор о национальной политике людям и более авторитетным, и более сведущим в этом деле.

Основные положения этой книги были впервые кратко изложены в статье «Свобода и экономическая система», опубликованной в апреле 1938 года в журнале *Contemporary Review*, а в 1939 году перепечатанной в расширенном варианте в одной из общественно-политических брошюр, которые выпускало под редакцией проф. Г.Д. Гидеонса издательство Чикагского университета. Я благодарю издателей обеих этих публикаций за разрешение перепечатать из них некоторые отрывки.

Дорога к рабству Социалистам всех партий

Свобода, в чем бы она ни заключалась, теряется, как правило, постепенно.

Давид Юм

Думаю, я любил бы свободу во все времена, но в нынешнее время я готов преклоняться перед ней.

Алексис де Токвиль

Введение

Больше всего раздражают те исследования, которые вскрывают родословную идей.

Лорд Актон

События современности тем отличаются от событий исторических, что мы не знаем, к чему они ведут. Оглядываясь назад, мы можем понять события прошлого, прослеживая и оценивая их последствия. Но текущая история для нас не история. Она устремлена в неизвестность, и мы почти никогда не можем сказать, что нас ждет впереди. Все было бы иначе, будь у нас возможность прожить во второй раз одни и те же события, зная заранее, каков будет их результат. Мы бы смотрели тогда на вещи совсем другими глазами, и в том, что ныне едва замечаем, усматривали бы предвестие будущих перемен. Быть может, это и к лучшему, что такой опыт для человека закрыт, что он не ведает законов, которым подчиняется история.

И все же, хотя история и не повторяется буквально и, с другой стороны, никакое развитие событий не является неизбежным, мы можем извлекать уроки из прошлого, чтобы предотвращать повторение каких-то процессов. Не обязательно быть пророком, чтобы сознавать надвигающуюся опасность. Иногда сочетание опыта и заинтересованности вдруг позволяет одному человеку увидеть вещи под таким углом, под которым другие этого еще не видят.

Последующие страницы являются результатом моего личного опыта. Дело в том, что мне дважды удалось как бы прожить один и тот же период, по крайней мере дважды наблюдать очень схожую эволюцию идей. Такой опыт вряд ли доступен человеку, живущему все время в одной стране, но если жить подолгу в разных странах, то при определенных обстоятельствах он оказывается достижимым. Дело в том, что мышление большинства цивилизованных наций подвержено в основном одним и тем же влияниям, но проявляются они в разное время и с различной скоростью. Поэтому, переезжая из одной страны в другую, можно иногда дважды стать свидетелем одной и той же стадии интеллектуального развития.

Чувства при этом странным образом обостряются. Когда слышишь во второй раз мнения или призывы, которые уже слышал двадцать или двадцать пять лет назад, они приобретают второе значение, воспринимаются как симптомы определенной тенденции, как знаки, указывающие если не на неизбежность, то во всяком случае на возможность такого же, как и в первый раз, развития событий.

Пожалуй, настало время сказать истину, какой бы она ни показалась горькой: страна, судьбу которой мы рискуем повторить, — это Германия. Правда, опасность еще не стоит у порога, и ситуация в Англии и США еще достаточно далека от того, что мы наблюдали в последние годы в Германии. Но хотя нам предстоит еще долгий путь, надо отдавать себе отчет,

что с каждым шагом будет все труднее возвращаться назад. И если по большому счету мы являемся хозяевами своей судьбы, то в конкретной ситуации выступаем как заложники идей, нами самими созданных. Только вовремя распознав опасность, мы можем надеяться справиться с ней.

Современные Англия и США не похожи на гитлеровскую Германию, какой мы узнали ее в ходе этой войны. Но всякий, кто станет изучать историю общественной мысли, вряд ли пройдет мимо отнюдь не поверхностного сходства между развитием идей, происходившим в Германии во время и после Первой мировой войны, и нынешними веяниями, распространившимися в демократических странах. Здесь созревает сегодня такая же решимость сохранить организационные структуры, созданные в стране для целей обороны, чтобы использовать их впоследствии для мирного созидания. Здесь развиваются такое же презрение к либерализму XIX века, такой же лицемерный «реализм», такая же фаталистическая готовность принимать «неотвратимые тенденции». И по крайней мере девять из каждых десяти уроков, которые наши горластые реформаторы призывают нас извлечь из этой войны, – это в точности те уроки, которые извлекли из прошлой войны немцы и благодаря которым была создана нацистская система. У нас еще не раз возникнет в этой книге возможность убедиться, что и во многих других отношениях мы идем по стопам Германии, отставая от нее на пятнадцать – двадцать пять лет. Об этом не любят вспоминать, но не так уж много минуло с тех пор, когда прогрессисты рассматривали социалистическую политику Германии как пример для подражания, так же как в недавнем времени все взоры сторонников прогресса были устремлены на Швецию. А если углубляться в прошлое дальше, нельзя не вспомнить, насколько глубоко повлияли немецкая политика и идеология на идеалы целого поколения англичан и отчасти американцев накануне Первой мировой войны.

Более половины своей сознательной жизни автор провел у себя на родине, в Австрии, в тесном соприкосновении с немецкой интеллектуальной средой, а вторую половину – в США и Англии. В этот второй период в нем постоянно росло убеждение, что силы, уничтожившие свободу в Германии, действуют и здесь, хотя бы отчасти, причем характер и источники опасности осознаются здесь хуже, чем в свое время в Германии. Здесь до сих пор не увидели в полной мере трагедии, происшедшей в Германии, где люди доброй воли, считавшиеся образцом и вызывавшие восхищение в демократических странах, открыли дорогу силам, которые теперь воплощают все самое для нас ненавистное. Наши шансы избежать такой судьбы зависят от нашей трезвости, от нашей готовности подвергнуть сомнению взращиваемые сегодня надежды и устремления и отвергнуть их, если они заключают в себе опасность. Пока же все говорит о том, что у нас недостает интеллектуального мужества, необходимого для признания своих заблуждений. Мы до сих пор не хотим видеть, что расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций. Многие не желают признавать этого факта даже после того, как сходство худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии выявилось со всей отчетливостью. В результате многие, отвергая нацизм как идеологию и искренне не приемля любые его проявления, руководствуются при этом в своей деятельности идеалами, воплощение которых открывает прямую дорогу к ненавистной им тирании.

Любые параллели между путями развития различных стран, конечно, обманчивы. Но мои доводы строятся не только на таких параллелях. Не настаиваю я и на неизбежности того или иного пути. (Если бы дело обстояло так фатально, не было бы смысла все это писать.) Я утверждаю, что можно обуздать определенные тенденции, если вовремя дать людям понять, на что реально направлены их усилия. До недавнего времени надежда быть услышанным была, однако, невелика. Теперь же, на мой взгляд, момент для серьезного обсуждения всей этой проблемы в целом созрел. И дело не только в том, что серьезность ее сегодня признают все больше людей; появились еще и дополнительные причины, заставляющие взглянуть правде в глаза.

Кто-то, быть может, скажет, что сейчас не время поднимать вопрос, вызывающий такое острое столкновение мнений. Но социализм, о котором мы здесь говорим, – это не партийная проблема, и то, что мы обсуждаем, не имеет ничего общего с дискуссиями, которые идут между политическими партиями. То, что одни группы хотят иметь больше социализма, а другие меньше, что одни призывают к нему исходя из интересов одной части общества, а другие – другой, – все это не касается сути дела. Случилось так, что люди, имеющие возможность влиять на ход развития страны, все в той или иной мере социалисты. Потому и стало немодным подчеркивать ныне приверженность социалистическим убеждениям, что факт этот стал всеобщим и очевидным. Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что мы должны двигаться к социализму, и все споры касаются лишь деталей такого движения, необходимости учитывать интересы тех или иных групп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.